

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ АНТИЯЗЫКА?

А.С. Нилогов

*Хакасский технический институт
(филиал Сибирского федерального университета)*

Для того чтобы обосновать такую философскую дисциплину, как философия антиязыка [1], рассмотрим то содержание имеющейся философии языка, которое, на наш взгляд, не удовлетворяет современному уровню философской проблематики. И ниже приведём первоисточниковые, словарные и энциклопедические определения «философии языка»:

«Важно различать философию языка и лингвистическую философию. Лингвистическая философия складывается из попыток решить философские проблемы путём анализа значений слов естественных языков и логических отношений между словами. Такой анализ можно использовать при обсуждении традиционных вопросов философии, например проблем детерминизма, скептицизма или каузации, впрочем, можно, специально не обращаясь к *традиционным* философским проблемам, изучать понятия как отдельные и интересные объекты исследования, как способ проникнуть в мир, строя классификации и проводя отождествления и различения в языке, которым мы пользуемся для характеристики и описания мира. Философия языка складывается из попыток проанализировать самые общие языковые единицы и отношения, такие как значение, референция, истина, верификация, речевой акт или логическая необходимость» [2, С. 6].

«ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА (Philosophy of Language, Sprachphilosophie). В отличие от классической философии, в которой язык понимался обычно как то, в чём воплощается чистое мышление, а потому не составлял особой философской проблемы, для самых разных направлений философии XX в. характерен "лингвистический поворот". Язык предстал неотделимым от человеческого сознания, опыта и знания, он вышел в центр философского анализа, превратился в инструмент решения многих философских проблем. Под общее имя «Ф. я.» попадает большое и часто связанное между собой лишь номинально семейство различных теорий и учений о происхождении, природе и функциях языка, которые появились в XX в.» [3, С. 446].

«Philosophy of language, philosophical investigation of the nature of language; the relations between language, language users, and the world; and the concepts with which language is described and analyzed, both in everyday speech and in scientific linguistic studies. <...> *Simon W. Blackburn*» [4].

«ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА – исследовательская область философии, в которой не просто анализируется взаимосвязь мышления и языка, а выявляется конституирующая роль языка, слова и речи в различных формах дискурса, в познании и в структурах сознания и знания. Термин “философия языка” был предложен П. И. Житецким (1900), А. Марта (A. Marty, 1910), К. Фослером (K. Vossler, 1925), О. Функе (O. Funke, 1928), М. М. Бахтиным и В. Н. Волошиновым (1929). <...> А. П. Огурцов» [5, С. 238].

Основополагающими понятиями «философии антиязыка» являются следующие: антиязык, антислово, класс антислов, принцип «изначального опоздания», принцип «изначального опережения», аутентичная номинация и др.

Введём фундаментальный принцип, являющийся осевым в проблеме противопоставления философии языка – философии антиязыка. Речь идёт о так называемом принципе «изначального опоздания», который терминологически был сформулирован французским философом Винсентом Декомбом в книге «Современная французская философия». Понятие «изначального опоздания» вводится В. Декомбом применительно к философии французского философа-деконструктивиста Жака Деррида, который, развивая континентальную традицию европейской философии (наряду с М. Хайдеггером), ещё больше усугубляет метафизику присутствия/отсутствия. Прочитируем соответствующий отрывок из В. Декомба, в котором он продолжает ассоциативный ряд по поводу истолкования такого центрального дерридеанского неологизма, как «различание» («*differance*»): «Вторичное есть не просто то, что приходит *на смену* первичному в качестве некоего запоздания, – оно есть то, что позволяет первичному быть первичным. Так, первому не удаётся быть действительно первым только благодаря собственным усилиям, собственным средствам: в этом ему помогает вторичное всей силой своего запоздания. Первое является первым только при содействии второго. «Во-вторых», следовательно, обладает своего рода первичностью по отношению к «во-первых»: с самого начала оно присутствует как предварительное условие первичности «во-первых» (не будучи при этом, естественно, самым изначальным «во-первых» [*речь о вторичном.* – Прим. А. Н.]: из этого следует, что «во-первых» на самом деле является «в-третьих»»)» [6, С. 140]. За этой замысловатой цитатой скрывается вся подноготная современной философии и её центрального раздела – онтологии, которая как учение о сущем уже не может претендовать на дескрипцию сущего, а метафизика – на дескрипцию бытия (в хайдеггеровском различении бытия (онтологического) и сущего (онтического)), потому что фундаментальность принципа «изначального опоздания» по-

стулирована самой **семиотичностью** – знаковой природой человеческого познавательного процесса.

Таким образом: «Репрезентация никогда не может быть элементом настоящего, она лишь следует жизни мира и потому всегда запаздывает по отношению к ней. Выпадение из настоящего времени не позволяет знаку обслуживать, фиксировать, репрезентировать присутствие человека при жизни мира. Существование знака лишается смысла, а знак, в свою очередь, лишается и своего реального существования» [7, С. 77].

С этих пор (а по сути – изначально, то есть в соответствии с самим принципом «изначального опоздания») проблема именованной вещи их собственными именами пронизывает всю историю философии (понятие аутентичной номинации). Крупнейшими философами XX века – М. Хайдеггером и Ж. Деррида – было показано, что бытие невыразимо в естественном языке, вернее, выразимо лишь сущее, которое искажает бытие вещей, а следовательно, мы никогда не имеем дело с подлинным. Проблема соотношения бытия и небытия (присутствия и отсутствия) разрывает философию на две противоположные практики забвения – бытия, с одной стороны, и небытия – с другой. Решением названных фундаментальных проблем философии и лингвистики является проект философии антиязыка – такой новой дескриптивной дисциплины, в рамках которой разрабатываются специальные методы усмотрения невоязыковляемых сущностей, а также наиболее эффективные способы номинации вещей (референтов).

Несмотря на то, что М. Хайдеггер высказывается о языке как о доме бытия, тем не менее, вопрошание об онтологическом статусе подручных языковых единиц (и о языке в целом, в том числе о «языке бытия») остаётся отнюдь не риторическим: «В конце концов философское исследование должно решиться спросить, какой способ бытия вообще присущ языку. Есть ли он внутримирно подручное средство или имеет бытийный образ присутствия либо ни то ни другое? Какого рода бытие языка, если он может быть «мёртвым»? Что значит онтологически, что язык растёт и распадается? У нас есть наука о языке, а бытие сущего, которое она имеет темой, туманно; даже горизонт для исследующего вопроса о нём загорожен. Случайно ли, что значения ближайшим образом и большей частью «мирны», размечены значимостью мира, да даже часто по преимуществу «пространственны», или это «эмпирическое обстоятельство» экзистенциально-онтологически необходимо, и почему? Философскому исследованию придётся отказаться от «философии языка», чтобы спрашивать о «самых вещах», и оно должно привести себя в состояние концептуально прояснённой проблематики» [8, С. 193–194].

Философия антиязыка посвящена новому разделу философии, который во многом наследует, но в большей степени критикует такую философскую дисциплину, как философия языка. В начале XXI века методы философии языка оказались недостаточными для решения фундаментальных проблем современной философии.

Поскольку философия есть область проблематизации незнаемого, постольку она нуждается в новой лингвистической методологии, а именно – антиязыковой. Перед нами – крупномасштабная опись тех вещей, которые оказались безымянными в языке, но жаждут быть поименованными хотя бы в лексиконе антиязыка. Философия антиязыка провозглашает ревизию всей истории философии с позиции поименованное/ непоименованное, а, будучи новым философским методом, готово сыграть свою революционную роль в открытии антыязыков для всех общих и частных наук.

Выявление собственно антыязыковых и несобственно антыязыковых дискурсивных практик. В первом случае понимается поиск таких классов (анти)слов, которые невыразимы в естественном языке. Во втором случае – критика существующих способов коммуникации и сигнификации.

Антыязык в узком смысле (анти)слова – это совокупность классов антислов, номинирующих референты, которые нельзя поименовать с помощью естественного языка. Антыязык можно сравнить с подводной частью айсберга, являющейся условием существования его надводной части – наличного языка, – причём под подводной частью мы понимаем в том числе и идеальную комбинаторность языка быть именно практически бесконечным инструментом создания языковых единиц, хотя обычно под языковой комбинаторикой понимается лишь механическое умножение сущностей – статистическим увеличением количества высказываний, что может быть признано весьма спорным, учитывая принципы «произвольности языкового знака» и «двойного членения».

Приведём конкретные примеры антыязыковой номинации вещей (с указанием соответствующих классов антислов), которые не укладываются в сигнификативные возможности естественного языка (на примере современного русского языка).

В первом примере разберём такое понимание антислова, которое предполагает пограничный статус в антыязыке и языке, частично выражаемый с помощью обычных слов, но в большей степени – посредством антислов.

Нумерологизмы – это антислова (и соответствующий класс антислов), обозначающие названия (для) больших чисел. В качестве нумерологизмов названия больших чисел пребывают до своего языкового воплощения, причём речь идёт не только о номинации чисел, например, в соответствии с так называемой краткой шкалой, где новое название для

числа образуется после прибавления к степени ещё 3 нулей (которые с морфологической точки зрения в русском языке являются числительными, склоняющимися по падежам и числам), но и о назывном (словесном) перечислении всех чисел в диапазоне между такими степенями, которые с морфологической точки зрения в русском языке являются составными определённо-количественными числительными, склоняющимися по падежам.

Например: число 1234567890123456789012345678901234567899 в словесном виде будет записано таким образом: один додециллион двести тридцать четыре ундециллиона пятьсот шестьдесят семь дециллионов восемьсот девяносто нониллионов сто двадцать три октиллиона четыреста пятьдесят шесть септиллионов семьсот восемьдесят девять секстиллионов двенадцать квинтиллионов триста сорок пять квадриллионов шестьсот семьдесят восемь триллионов девятьсот один миллиард двести тридцать четыре миллиона пятьсот шестьдесят семь тысяч восемьсот девяносто девять. Ранее это название числа являлось антисловом – нумерологизмом, а более конкретно – антисловоформой (антисловом в той или иной грамматической форме).

Ещё одна проблема связана с именованием трансцендентных чисел, у которых после целой части (после запятой) плетётся бесконечная вереница дробных знаков, поэтому в философии антиязыка названия таких чисел также представляют собой антислова (подкласс антислов) – **трансцендентные нумерологизмы** (так как невозможно целиком в силу трансцендентной природы (*а также даже предельно остаточно*) словесно и цифрово выразить, например, число пи, потому что всегда приходится иметь дело с компромиссным вариантом фиксации такого числа: не в виде редуцированных символов, а в зависимости от того, какое количество знаков определено после целой части; в настоящее время речь идёт о десятках триллионов цифр после запятой) [9, С. 266–274].

Второй пример трактовки антислова связан с определением статуса всех реконструированных слов – так называемых праформ (этимонов) для современных слов. Они составляют такой класс антислов, как **праформологизмы** (или **этимологизмы**, или **этимологизмы**). В данном случае речь идёт об определении онтологического статуса словарно зафиксированных этимологических реконструкций. Для конкретизации примеров воспользуемся одним из этимологических словарей русского языка, а именно: «Историко-этимологическим словарём современного русского языка» П. Я. Черныха:

«БАБОЧКА <...> Обычно слова *бабочка* производят от *бабка* (<**бабъка*) или прямо от *баба* (см.). <...>» [10, С. 62]. В данном примере в статусе антислова выступает праформологизм – **бабъка*.

«МЙСКА <...> О.-с. *misa, восходящее к нар.-латин. mēsa < mēnsa <...>» [10, С. 534]. В данном примере в статусе антислова выступает праформологизм – *misa.

С точки зрения этимологической методологии любая реконструкция этимона – гипотетична, то есть недостоверна. Следовательно, онтологический статус подобных праформ весьма условен, но научно мотивирован с позиции традиции сравнительно-исторического языкознания. Прочитав автор данного этимологического словаря П. Я. Черныха: «Поставив себе задачей достижение максимальной убедительности того или иного объяснения, этимолог, по большей части, всё же вынужден работать не столько в области достоверного, сколько гипотетичного. Конечно, элемент гипотетичности в языкознании, в истории человеческой речи, не является достоянием только этимологических разысканий. В большей или меньшей мере он имеется во всех сравнительно-исторических построениях, если речь идёт о дописьменном периоде. Но историку языка – этимологу приходится пользоваться гипотезой и оперировать словесными формами (разумеется, особо оговорёнными), придуманными ad hoc, возможными, допустимыми, но не засвидетельствованными ни в письменных памятниках, ни в живой речи, гораздо чаще, чем, скажем, историку языка – фонетисту, который ведь тоже не чуждается таких построений <...>. Элемент гипотетичности в этимологических разысканиях объясняется самим характером материала, с которым приходится иметь дело этимологу: отдельно существующих слов много, гораздо больше, чем типовых звуков или типовых грамматических форм и грамматических категорий.

В общем можно сказать, что достоверность любой этимологии, удовлетворяющей даже самым строгим научным требованиям, поскольку она имеет отношение к доисторическому периоду развития того или иного языка, не может быть больше достоверности археологического объяснения, когда оно опирается на показания памятников материальной культуры, или объяснения палеонтологического» [10, С. 17–18].

Таким образом, на примере нескольких классов (и подклассов) антислов мы показали сигнификативную неадекватность современного русского языка (да и вообще любого другого естественного человеческого языка) для работы с выявленными референтами. В ходе философско-лингвистического исследования нами выявлено более 200 различных классов и подклассов антислов, которые не укладываются в традиционные научные подходы по их регистрации (каталогизации, систематизации, фактологизации) ни в рамках философии, ни в рамках языкознания. Постановка под вопрос онтологического статуса этих и многих других (анти)языковых единиц со всей очевидностью приводит нас к

обоснованию такого нового раздела философии (с соответствующей методологией), как **философия антиязыка**. Несмотря на существование близкой к философии антиязыка – философии языка, мы настоятельно считаем, что в рамках философии языка невозможно решить тот комплекс номинативно-сигнификативных проблем, который обнаружен нами при анализе как актуальных философских задач, так и насущных лингвистических затруднений.

В итоге философия антиязыка постулируется нами как раздел философии, предметом которого является изучение оснований и пределов семиотической номинации на естественном человеческом языке и зависимости познавательного процесса от антиязыка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нилогов А. С. Философия антиязыка. – СПб., 2013. – 216 с.
2. Философия языка / Ред.-сост. Дж. Р. Сёрл: Пер. с англ. – М., 2004. – 208 с.
3. Современная западная философия: Словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Сост. и ответ. ред.: В. С. Малахов, В. П. Филатов. – М., 2000. – 544 с.
4. Encyclopaedia Britannica: Philosophy of Language. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/754957/philosophy-of-language> (дата обращения: 04.09.2014).
5. Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 4 / Ин-т философии Российской акад. наук, Национальный общественно-научный фонд; науч.-ред. совет.: В. С. Стёпин (пред. совета) и др. – М., 2010. – 736 с.
6. Декомб В. Современная французская философия: [Сборник]. / Перевод с фр. – М., 2000. – 344 с.
7. Гурко Е. Н. Деконструкция: тексты и интерпретация. Деррида Ж. Оставь это имя (Постскрипtum), Как избежать разговора: денегации. – Минск, 2001. – 320 с.
8. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. – Харьков, 2003. – 512 с.
9. Нилогов А. С. Антиязыковая номинация больших чисел (В начале было Число, и Число было у Бога, и Число было Бог) // Филология: научные исследования. – 2013. – № 3. – С. 266–274.
10. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 1. – 3-е изд., стереотип. – М., 1999. – 624 с.